

ИСТОЧНИК

ВАЛЕРИЙ ПЕТНОВ
Родился в Ниеве в 1950 году. Окончил институт инженеров Гражданской авиации в Риге. Работал на ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в качестве

заместителя командира роты радиационно-химической разведки. Автор нескольких книг. Переводился на латышский, польский, сербский языки. Живет в Риге.

Главный источник жизни в тебе самом.

По понедельникам в бане была скидка для пенсионеров.

За полчаса до открытия уже толпилась очередь. Публика собиралась соответствующая.

Все друг друга знали давно, ходили в баню постоянно, держались компаниями. Бывало, спорили громко, доказывая свою точку зрения, но до крайности дело не доходило.

Некоторые на почве парилки практически породнились, перезванивались и «дружили домами».

Сергей Дмитрич с одними пообщается, с другими, а где интереснее, там и притормаживал ненадолго.

В тот раз он вернулся в предбанник, когда Степан Иваныч возбужденно рассказывал о своей поездке к целебному источнику, в старинный монастырь, основанный святым старцем в ветхозаветные времена, и как это сильно хорошо помогло его костям и нервам, прибавило сил и бодрости.

– Нет, ты тока глянть. – Он укладывал пузо на колени, хлопал ладонями по лодыжкам. – Тут у меня вены узлами торчали, а теперь нету! Где они? Спроси меня, где? Пропали! – Распрямялся, пыхтел, красный от натуги. – Сечешь? Реальное чудо!

Расспрашивать его он не стал, чтобы не быть обязанным, но информацию запомнил и на следующ-

щий день утром позвонил в турбюро «Странник», которое организовывало поездки по таким местам.

Ответили сразу, что ему очень повезло: есть одно место.

Он попросил внести его в список.

Сразу же выехал к вокзалу, где находился офис бюро, радуясь удаче, и решил, что это хороший знак.

Оформили быстро, даже сделали небольшую скидку.

Возвращался домой в приподнятом настроении.

Жил он один и привык заботиться о себе сам.

Про источник слышал и раньше, а тут что-то в нем в один миг развернулось в ту сторону: возможно, благодущие после щедрого пара, и захотелось чуточку прибавить себе здоровья, да и просто проветриться в небольшом путешествии.

Он особенно не вникал в причины такого поступка.

Атеистом не был, истинно верующим тоже, однако мысли о вере были хорошие, и если попадался на его пути храм, думалось светло. Изредка входил внутрь, ставил свечечки за здоровье, за упокой, кого-то поминал из близких, покинувших этот мир, а в конце, как бы общим списком, просил прощения за тех и этих, если забыл кого-то нечаянно.

Выезд предстоял в субботу, в семь утра, от стоянки возле железнодорожного вокзала.

С вечера он почувствовал недомогание, подкашливал. Отказываться от поездки было поздно, все оплачено, да и поездки такие происходили раз в месяц.

Он проснулся около пяти часов утра, понял, что простыл: болела голова, заложило грудь, сухость во рту и дышать было тяжело, но приказал себе встать и пошел умываться.

После бритья достал вьетнамскую «звездочку», всплакнул, нос запылал огнем, поток соплей поубавился, а окружающие запахи пропали.

Он приехал первым троллейбусом, на стоянке никого не было.

Он решил, что ошибся, пришел не туда, это тоже знак, и начал было сомневаться, стоит ли ехать в таком состоянии.

Тут подошел небольшой старенький автобус. Оказалось, что это тот, который ему нужен.

И сразу же стали со всех сторон подходить скромно одетые женщины.

«Сборная пенсионного фонда! Какая команда, такой и корабль», – подумал с иронией.

Он насчитал двенадцать попутчиц.

«Я тринадцатый, – но тут же подумал и открестился, – нет, я первый. Один, на развод!»

Оставались еще два места, но больше никто не пришел, и они поехали.

Рядом с водителем устроилась старшая группы, взяла в руки микрофон. Бойко и с удовольствием рассказывала библейские притчи, жития святых, про подвиги старцев. Потом хором пели псалмы, молитвы.

Получилось хорошо, казалось, что они уже не в первый раз устраивают такие встречи и спевки.

Он отметил, что все в косыночках, с покрытой головой, как в храме, во время службы. Выглядели женщины при этом по-домашнему, когда заняты на кухне или делается генеральная уборка, после ремонта, а собрались все вместе, чтобы навести общими усилиями порядок в большом доме, в котором много мусора и одной не управиться.

Он смотрел в окно, слушал, временами удивлялся подвигам во имя веры: многого не знал, и было ему хорошо. Только вот отвлекала свалившаяся в одночасье хворь.

Осеннее утро медленно растормошило новый день.

Ехать надо было шесть часов, автобус двигался с постоянной скоростью, будто на автопилоте, и Сергей Дмитрич задремал беспокойно, под монотонный гул мотора.

Неожиданно проснулся, словно кто-то толкнул его в бок.

Справа открылось огромное серое пространство большого озера. Дальний берег не виден. Сон пропал. Дорога пошла почти по кромке воды. Местами

рос пожухлый камыш, старые сараи, темные от дождя, мостки в скучную, осеннюю воду, темным брюхом выкинутой на сушу рыбины лежала перевернутая лодка.

Проехали село, вытянувшееся между дорогой и берегом, он не успел прочитать указатель с названием.

Остановились возле древней церковки. Когда-то белоснежная, она от времени и непогоды обветшала, стала невзрачной.

Вышли, разминая ноги после долгой езды.

Встретил молодой, ясноглазый, розовощекий батюшка в темном облачении, с кудрявой, озорной бородкой, усами цвета созревшего пшеничного колоса.

«Должно быть, это так замечательно, смолodu ясно понять и принять свое призвание и предназначение в жизни», – подумал он, слушая молодого батюшку.

Вошли внутрь, постояли, помолились у старых икон.

Батюшка был рад гостям, рассказал историю храма, когда освящен, в честь кого возведен, и пригласил к себе, в небольшой одноэтажный дом рядом, в ограде церкви.

В доме светлые окна, тепло. Разбросаны детские игрушки, уютная кухонька, перегородка небольшая, ширма в другую половину.

Аппетитно пахло копченой рыбой в больших коробках. Картон местами пропитался жиром, был темнее.

Крупная чешуя темного золота. Сергей Дмитрич помнил, что в библии про рыб сказано что-то важное для жизни людей, но ничего конкретно сейчас не вспомнилось.

Все купили по одной рыбине, недорого, а водитель купил три, должно быть, обещал привезти кому-то.

Отъехали недалеко. В автобусе поселился устойчивый запах рыбы, словно они сами ее выловили, и было это уместно на фоне большого пространства озера.

Подъем в горку автобус не осилил, заела коробка передач. Водитель стал звонить, просить, чтобы прислали замену.

Они вышли, стали бродить в тихом лесу, кто-то нашел грибы, затеялась азартная переключка, пропала молитвенная сосредоточенность, женщины повеселели и зарумянились от лесного воздуха.

Грибы были разные, даже несколько белых отыскали, потом лесной сбор сложили в одну корзинку для трапезной монастыря.

Он чувствовал себя неважно: было ощущение, что у него высокая температура, голова гудела, глаза слезились.

В дорогу взял с собой немного орехов, перекусить и подкрепиться, но есть их не стал, потому что во рту пересохло, мучила сильная жажда, он часто пил минералку.

Прогулка по лесу немного взбудрила, но настоящего облегчения не принесла.

Он не жалел, что поехал, однако не знал, как ему быть с таким нездоровьем, без лекарств.

Вскоре пришел другой автобус, если и моложе предыдущего, то ненамного, и они продолжили путь.

Планировали приезд к обеду. Теперь же из-за поломки опаздывали, и женщины сокрушались, что не успевают к послушанию.

Слово это неожиданно возвратило его в детство, когда были молоды и не болели родители, и сниходило странное умиротворение, потому что оно отвлекало от нездоровья.

Монастырь был женский, старинный. Окружала его высокая каменная стена, похожая на крепостную.

Покрутились по затейливой лесной дороге в гору, заехали с тыла через массивные, крепкие ворота.

Все время перед ними, то с тыла, то справа, то слева был виден храм, а когда въехали в ворота, он явился прямо перед ними, во всем величии, с блестящими солнечными куполами, как в сказке: за высокими елями и соснами заповедного леса.

Рядом со скитом клумбы с цветами, несколько ульев, трудились пчелы, не обращая внимания на людей.

Каждый был занят своим делом.

Расположились на втором этаже: женщины в одной комнате, его поселили в другой, через коридор.

Кровати с панцирной сеткой, рядом простые тумбочки. На окнах белые занавески.

Обстановка простая, как в пионерском лагере, но скит был новый и запах новостройки еще не выветрился.

Там уже были постояльцы. Из женской половины вышли женщина и задумчивая молодая девушка, в комнате же, где ему определили место, было несколько кроватей. У окна лежал, руки за голову, мужчина спортивного вида. Бугрились бицепсы на руках.

Он встал, поздоровались.

Оставили вещи и сразу же пошли обедать.

В трапезной женщины отдали корзинку с грибами, выложили гостинцы: кто-то пачку гречки,

кто-то макароны, кто-то пачку риса, кто-то печенье, и Сергей Дмитрич почувствовал неловкость, потому что ничего с собой не взял, его не предупредили, а предлагать пакет с орехами посчитал неприличным.

Тут же большая печь топилась дровами, добавляя тепло и простой уют.

Рядом лавки вокруг длинного стола.

В переднем углу икона Божьей Матери, теплилась путеводной звездочкой лампадка.

На обед подали постные щи из кислой капусты, перловую кашу, кисель. Одна из женщин наливала щи в глубокие тарелки, на столе стояли солдатские чайники с киселем.

В глиняных коричневых корчажках выложены соленые огурцы и грибы, крупно нарезанные ломти душистого хлеба.

Хозяйство большое, послушницы и трудники монастыря сами себя обеспечивали всем необходимым.

Перед трапезой помолились стоя, спели «Отче наш».

Он кивал головой, словно соглашаясь, но не зная слов, а женщины исполнили ладно, хором.

«В простой молитве радость и успокоение, – подумал он, смущаясь, – а зная слова, можно ли к этому привыкнуть, возвращаясь, всякий раз заново? Всем ли ясно до конца, что выбор верен и он единственно правильный? Или они, как и я, тоже пребывают в размышлениях, но делают это активно. И, возможно, в иной жизни вспомню я именно эту молитву, скромный, но в радость обед и как хорошо мне сейчас, и будет так же хорошо в воспоминаниях об этом, но уже в каком-то ином, будущем».

Сергей Дмитрич прожил большую жизнь, была она разной, а теперь он все чаще размышлял о ней.

За обедом было вкусно, в меру сытно, но без изысков, а потом не тянуло в сон от чревоугодия. Хоть и был он болен, кислые щи пришлись по вкусу, простая еда понравилась, а кисель с ломтем хлеба, отдающего тепло и аромат каравая, он уж и забыл, когда ел в последний раз.

Четыре женщины после трапезы принялись мыть и вытирать полотенцами посуду. Матушка Варвара руководила застольем и попросила мужчин принести дров.

– Во славу Божию, – сказала она.

Напарника звали Арнольд. Они познакомились, пока шли к поленнице.

Дорожка шла по краю красивого яблоневого сада, почти пустого, отдыхающего после лета, лишь на некоторых висели желтые яблоки, склоняя ветки

к земле. Сергей Дмитрич решил, что это, должно быть, антоновка.

Поленниц было три. Стояли они треугольником: высокие, похожие на сторожевые островерхие башни, в несколько обхватов, и в них сохли заготовленные впрок дрова.

Рядом свалены наколотые плашки.

Возвели поленницы умело и надежно, недалеко от храма из красного кирпича, киосков с церковной утварью и духовными книгами, напротив домики монахинь по периметру.

Они взяли по несколько больших поленьев. Отнесли на кухню.

Поленья источали лесной дух, и нести их было в удовольствие.

Потом сходили еще два раза.

Арнольд ушел, Сергей Дмитрич сидел на лавке, смотрел, как весело пляшет пламя в прикрытой неплотно конфорке, чувствовал нежное тепло на лице и груди.

Немного знобило.

Матушка Варвара молодая, лицо простое, широкое и доброе, крупная телом. Черные одеяния немного стройнили ее.

Ему было интересно, почему она оказалась здесь. Любопытство было острым, потому что виделось в этом что-то трагически важное, так он решил про себя, но постеснялся расспрашивать, а лишь поинтересовался, откуда она родом.

Оказалось, из Череповца и скоро поедет в отпуск, который им предоставляют один раз в год.

– Хорошо у вас, – сказал он, – несуетно, как будто лежишь на плоту, он плывет по широкой реке, глядишь в синее небо, тишина вселенская, звонкая, лес сказочный, река глубокая, рыбы большие под тобой ходят, но не страшно, и восторг необыкновенный.

– Монастыри женские по всей Руси основывали, знали такие места силы, чтобы суть народа сбереечь, потому что она в женщинах создателем хранится. С женщин народ начинается. Матушка игуменя сказывала, на фотографии из космоса место это пустынно, только лес, холмы, озеро, невидим на нем ни храм, ни монастырь. Такая защита вселенская, куполом прикрыта.

– А монахини... послушницы?

– Для того чтобы вера не иссякла, взял Господь монахинь в невесты. Их молитвами изначально укреплять, наполнять источник народа живой силой.

Он вернулся в скит. По дороге же думал о том, смог ли долго выдержать затворничество, послуша-

ние? Смирение, простую, многотрудную работу изо дня в день, не ропща, и не был уверен, хотя никто ему не предлагал.

«Это оттого, что неверующий, а возраст тут решительно ни при чем, – подумал он. – Так долго я шел к себе, но так и не понял, какой же я на самом деле. И, кажется, все еще иду».

Сосед сидел на кровати, полотенце через плечо.

– Предлагаю за компанию сходить к роднику. Пока все в храме.

Они спустились с горы, прошли через тщательно ухоженное кладбище, на котором под одинаковыми крестами, чем-то похожими на воинское захоронение, упокоились бывшие насельники и люди духовного звания.

– Я приехал своим ходом, – рассказывал Арнольд, – договорился пожить здесь в послушании неделю.

Вновь Сергею Дмитричу стало радостно от услышанного этого слова, будто был он паролем в детство.

Краем вспаханного поля, каменистой тропой прошли они к небольшому домику с четырехскатной крышей, без окон, выкрашенному в серую краску. Он был возведен над ручьем. Дверь слегка приоткрыта.

Внутри небольшой полумрак после улицы, и лишь снизу купели, там, где убежала вода, лился внутрь от ее подвижного зеркала дневной свет.

Добротные лавки по трем сторонам у стен. Ступени вниз, на ширину ручья, по краям поручни.

Двери запирались на крючок.

– Тут очередь обычно, запускают по десять мужчин, потом десять женщин. Надо раздеться, войти в воду, – инструктировал Арнольд, – трижды окунуться, после каждого раза перекреститься. Потом выйти, одеться, не вытираясь полотенцем, чтобы благодать не исчезла.

Пол крепкий, влажный и студеный. Моментально пронзил сильный холод, Сергей Дмитрич непроизвольно сжался, обнял себя крепко руками. Только живое горячее сердце колотилось в загрудине, в жестком кулаке холодного спазма, сопротивлялось льдыстым иглам сильного озноба, казалось, вот-вот оно вздрогнет и замрет.

Арнольд уверенно спустился, белея причинным местом и показывая личным примером, как нужно действовать.

Сергей Дмитрич снова отметил отлично сложенную, атлетическую фигуру, рельефные мышцы, узкую талию Арнольда, решил, что настал и его черед.

Он шел к купели в тряском ознобе, готовясь проделать все, что рассказал ему сосед по комнате, и постараться не умереть при этом. Осторожно сту-

пая по мокрым доскам, держался за шаткие поручни, боясь соскользнуть в воду, но решил не праздновать труса.

Весело что-то рассказывал Арнольд, одеваясь, он не особенно слушал, погруженный в предстоящее действо.

Ручей весело шумел, приглашая, словно убеждая, что ничего страшного в купании нет, а только польза.

Он вошел по колено, ощущая себя сосулькой на крыше, охнул и стал стремительно погружаться в воду с головой, заперев дыхание, приседал и тотчас же выпрыгивал высоко из воды, прикрыв глаза, ослепленный брызгами, старательно и неумело крестясь и снова окунаясь.

Заспешил по спасительным ступенькам, ошпаренный холодом, но радуясь, что все позади.

Мокрыми руками схватил одежду, прижал к груди, но вспомнил, что вытираться не следует, отложил на лавку, с волос капала влага.

Одевался на удивление сноровисто, хотя обычно на мокрое тело напяливать одежду совсем не просто: путаешься, словно она с чужого плеча, но важно не это, а неумное желание поскорее одеться и согреть себя.

– Ну как! Здорово, да! – засмеялся Арнольд.

– Заново родился! – восторгался Сергей Дмитрич. – И сразу же обсох! Как будто термоядерная батарея во мне включилась!

Сердце стало огромным мощным мотором, наполненным бурной, новой кровью, он стремительно гнал ее по востроенному организму до самых дальних капилляров и жилок.

Стало невыразимо прекрасно. Он засмеялся.

– Температура в источнике плюс четыре-пять, – продолжал просвещать его Арнольд, – оптимальная плотность воды, как на Крещение, в купели, поэтому не простынешь. И что-то еще, про которое люди не знают. Я фотографию сделал у входа в источник. На ней отпечатались снежинки прозрачные. В этом какая-то тайна.

– Я сюда приехал хворый, – сказал Сергей Дмитрич. – Теперь такое ощущение невероятное, и не верится, что это я болел.

– Пройдет ваша хворь! Прямо сейчас! – уверенно сказал Арнольд. – Клин клином, как говорят.

Они вернулись в скит. Арнольд ушел в храм на вечернюю службу, а Сергей Дмитрич лег под одеяло, не раздеваясь, плавно отплывая в горячую реку тихого блаженства.

– Хороший парень, только вот неужели русских богатырей мало, надо же – Арнольдом назвали!

Чудаки!

Во сне он узнал себя и мучительно пытался вспомнить нечто важное, но мешала усталость, мысль ускользала, и никак не удавалось ее уяснить. Он огорчился.

Спал, и в невероятной глубине сна, из-под земли докатывался гул большого колокола. Он отдавался низким тоном, и скит плавно двинулся к храму, врата его широко открылись, Сергей Дмитрич оказался на пороге, в самый разгар вечерней службы, удивляясь и радуясь такому превращению.

Он оглянулся. На месте скита возвышался теперь огромный, крутлобый камень. Гладкий серый гранит, блестящий и трудный для восхождения.

Сосед и женщины после ужина рано разошлись спать: на ночь запирались все службы монастыря, мастерские, хозяйские постройки и скиты, потому что выпускали на территорию огромных, сторожевых собак, и всех предупредили, чтобы не выходили на улицу.

Он пропустил ужин, ничего не слышал, спал богатырским сном.

Проснулся рано утром. Голова была ясной, показалось, что истина во сне ему открылась таинственным образом, исподволь и лишь притаилась до поры в сознании, на чувственном уровне, пока еще вне слов, наполняя радостью.

«Да я ли проснулся сейчас?» – подумал он.

Дышалось легко, болезнь пропала так же внезапно, как и нагрянула, и он подумал, что это проверочный тест: решится ли он поехать к источнику или же даст слабину.

Он лежал один в комнате, глубоко дышал полной грудью, через нос, и не верилось ему, что все свершилось чудесным образом и так быстро он воскрес после сна здоровым и бодрым.

Было воскресенье. Около храма лоснились туши припаркованных машин с номерами разных регионов. Готовились к венчанию в храме, в отдельной, небольшой часовенке, рядом со скитом крестили детишек, одетых нарядно и от этого немного испуганных, взрослее.

Взволнованные родители, родственники, торжественные группки людей создавали праздничное настроение.

Ударили в колокола. Вернулось то, что привиделось ему в забытии и напомнило сейчас. Внутри у него отозвалось ощущением хорошего, оно уже наступило, оттого радость его была тихой, настоящей.

Он постоял за спинами родителей, гостей. Таинство крещения началось, и Сергей Дмитрич незаметно вышел.

Завтракали гречневой кашей. На столе стояли крынки со свежим молоком, хлебом утренней выпечки и кем-то привезенной банкой варенья.

Он удивился тому, что сыт этой малостью, дома бы уже заглянул пару раз в холодильник, побаловал себя чем-нибудь, и понял, что еда сейчас не главное.

После завтрака они с Арнольдом снова пошли к источнику.

Вода обожгла прикосновением, но уже иначе, и снова он вышел из источника другим.

Было много ярких впечатлений, какие бывают в первый раз и не повторяются.

– Уже третий монастырь посещаю, – рассказывал словоохотливый Арнольд, видно, долго молчал до приезда Сергея Дмитрича, а теперь спешил выговориться, – я профессиональный боец смешанных единоборств. Отец увлекался спортом и меня назвал в честь своего кумира, Шварценеггера. Все путем, со спортом нормально. Женился, долго детей не было, мы оба мечтали о ребенке, и вдруг врачи говорят: дочь. – Он покачал головой, словно и теперь еще не верил. – Крохотное семечко, пульсирует, живет, на сканере обнаружили. Как-то сразу все остальное стало незначительным. Даже спорт на время отодвинулся. Тогда я решил посетить три монастыря, пожить в каждом по неделе, помолиться хорошенько. Не просить ничего, поблагодарить. Этот монастырь и есть мой третий, а через два дня к своим девочкам. Соскучился уже.

Арнольд ушел в храм.

После обеда они возвращались в свой город.

Ждали водителя, ходили у ворот, рядом с автобусом.

В сторонке прогуливалась давешняя девушка.

Он посмотрел на массивные, каменные стены монастыря и неожиданно подумал о том, что время, которое он провел здесь, было огромно, но промчалось стремительно, и ни на секунду не возникло в нем ощущение, что пребывает он в добровольном заточении. Напротив, он чувствовал в себе новую, молодую силу и хорошее настроение.

Водитель вернулся с большими пакетами книг, хлеба и монастырского кваса в больших бутылках. Открыл заднюю дверцу, пассажиры стали укладывать вещи.

Сергей Дмитрич присел на лавочку рядом с женщиной, которая встретила их в ските по приезде. Помолчали.

– Вы с нами? – спросил он.

– Да, нам сказали, что у вас в автобусе есть два свободных места.

– Верно. Я еще вчера, по дороге сюда, заметил.

– Мы в монастыре неделю прожили с дочкой, – сказала она, – ребеночка просили у заступницы, молились. Так внуков хочется! – просияла лицом.

– Будут, обязательно будут! – сказал он уверенно.

– Да?

– Непременно!

Она улыбнулась.

– Вы издалека? – спросил он.

– В перестройку уехали с мужем, молодые были. Сдюжили. Дочка выросла, замуж вышла за хорошего человека. Получили паспорта – и сразу сюда из Англии.

РПЖ

Зимой я любил играть в хоккей.

Был маленьким и юрким, и мне удавались про-рывные финты к воротам противника. К началу лета в спортзале я стоял последним по росту, даже после девчонок, и носил тридцать второй размер обуви, в то время как пацаны в нашем районе за год вырастали выше некуда.

У меня даже появилась кличка – Шпендрик. Кличка мне не нравилась, из-за нее приходилось много драться, я возвращался вечерами домой усталый и поцарапанный, расцвеченный синяками и ссадинами.

Отец поглядывал на меня внимательно, но молчал.

От отчаяния в моей шишковатой голове появилась нелепая идея – сконструировать пулемет, который стрелял бы желудями. Даже название ему придумал: РПЖ, ручной пулемет желудевый.

Я представлял себе, как лягу у оконца под крышей нашего дома, неспешно и наверняка прицельсь в выпуклый лоб Коляна Естифеева, с которым у нас шли бои, а успех был переменным. Желудь разлетится, на лбу противника мгновенно вспыхнет красная шишка. Колян вздрогнет, упадет на землю...

В общем, чтобы не насмерть, но обидно! А желудей полно в лесу, до которого полчаса неторопливым шагом. Бесплатно, собирай-запасайся впрок, всем хватит – и белкам, и кабанам, и людям...

Стал пропадать в библиотеке. Она была в паре остановок от нашего дома. Выходил по утреннему

холодку, не спеша, чтобы к открытию, к девяти, быть на месте. Тихо, дремотно, людей почти нет. Особенный запах пыли, клея и старых книжек. Хочется говорить только шепотом.

Принципиальную схему пулемета нашел быстро, хотя в основном были цветные рисунки – каждый узел или деталь разного цвета. Было немного странно – такой красивый пулемет должен был убивать. Но я-то убивать не собирался! Своих противников мне убивать не хотелось – ни к чему это, а вот достойный отпор дать – это было бы правильно. Из тех же книг понравились слова – «оружие возмездия». Как штык, который вонзается в дерево и раскачивается из стороны в сторону, завораживая, – так в меня входило слово «возмездие».

Первое, самое важное открытие – о заряде, выстреливающим «пулю». Он должен сообщать стартовое ускорение, но не должен быть мощным и пороховым, иначе желудь разлетится в момент выстрела, не долетит до цели. Должна быть какая-то пружина, возможно, из плотной резины, заводной механизм, чтобы перед стрельбой его можно было взвести. Как в часах, когда потенциальная энергия преобразуется в кинетическую. И тогда стреляй себе, сколько завода хватит...

Тут-то мне и попалось: «Анкерный механизм (анкер) состоит из анкерного колеса, вилки и баланса (двойного маятника) – это часть часового меха-

низма, преобразующая энергию главной (заводной) пружины в импульсы...»

Проще говоря, схема такая: ствол, подающее устройство, магазин с патронами-желудями. Лента – плотная ткань, простроченная с двух сторон, в пазы вставлены желуди, механизм выталкивает их поочередно в ствол.

Можно было покопаться у деда в гараже в старых железках – там запросто мог обнаружиться ствол и все необходимое. В крайнем случае, выручит сосед из дома напротив, старьевщик Семен.

Семен был человеком необычным и странным. Во-первых, необычной была его профессия, в которой не было ничего героического, когда все вокруг занимались освоением космического пространства. Во-вторых, странным был он сам, внешне похожий на Герасима, вернувшегося после вынужденного злодеяния над утопленной Муму: черный, бородастый, бельмастый на правый глаз и громадный. Руки большие, зубы редкие, молока попьет – сразу спичку в зубы, а если иногда и заговорит, то по-доброму мыча или предупредительно порывивая, если очень расстроится. Родом он был из деревеньки со странным названием Хлебари. Не хлеборобы и не прихлебатели, но и не хлеборезы, получается.

Сбирал он старые тряпки, кости, железяки, свинцовые пластины от аккумуляторов, ненужную проволоку. Принимал даже кривые и помятые гвозди, вынутые со скрежетом гвоздодером из досок, всякую мелочь – в общем, все то, что дома оказалось не нужным.

Дом у него был угловой, добротный, стены двойные, для утепления просыпанные мелкой изгарью. Двор казался большим. Но главной достопримечательностью была конюшня – с яслями, свежим, душистым сеном и первейшим для нас чудом, смирным коньком Соколиком, на котором Семен выезжал собирать свое барахло или вывозить его на неведомую нам «базу».

Конь был почти белым, местами покрытым темными пятнами, глаза – цвета спелой терновой ягоды, зеркально-матовые. Если всмотреться, можно было увидеть себя будто в кривом зеркале. Мы любовались и восторгались конем, приносили хлебные горбушки с солью, чтобы потом погладить бархатный на ощупь бок.

– Чубарая масть, – говорил довольный Семен.

Я думал, масть так называется из-за того, что грива, хвост и чуб у конька были темнее.

Семен молча, неторопливо обихаживал коня, что-то выговаривал ему. Тот прядал ушами, будто стряхивал с них невидимое другим, но был послуш-

ным, справным, ржал под настроение и откладывал душистые «яблоки» где вздумается. Почему-то пахли они приятно – возможно, из-за сена.

Двор был пуст, свободен от всякой зелени, утрамбован многими ногами, обнесен высоким забором. В углу – навес, под ним было разложено кучками все то, что мы сносили сюда и отдавали хозяину за копейки на кино и мороженое. А еще – пистоны ленточные и штучные, для совсем мелких – свистульки расписные, «уйди-уйди», издающие ужасные и потешные вопли из тонкой трубочки, чудо-калейдоскоп – труба, похожая на подзорную, но с цветными стекляшками. Ее надо было просто приложить одним концом к глазу и немного поворачивать. Ну и прочая мелочь, что по теперешним понятиям ерунда, а тогда – настоящие сокровища, хранившиеся в большом фанерном чемодане, разложенные по отделениям.

Но самое главное – рыболовная леска и крючки. Это всегда было в цене.

Пацаны были основными поставщиками Семена. Но если они притаскивали с автобазы неподалеку замасленные запчасти или им удавалось тайком уволочь что-то с завода гидравлических прессов, он страшно и страстно, впадая в косноязычие, выговаривал добытчикам и требовал снести обратно. Мог и подзатыльник выписать – легонько и не зло.

Самым примечательным, ужасным и таинственным для нас было то, что Семен оказался верующим! Конечно, он не стучал себя в грудь кулачищем, не кричал об этом, но все свои знали. Спросить напрямую мы побаивались.

Семен соблюдал посты, регулярно посещал церковь, где был старостой, – странная и нелепая, применительно к нему, должность. Я скорее поверил бы, что он играет в народном театре ремонтного завода Карабаса-Барабаса в веселой постановке «Буратино».

Он приходил к нам в гости после Великого поста, всенощного бдения, освящения куличей в храме. Уже в легком подпитии, был он весел, странно смеялся. Громоздкий, занимал половину кухни, – в валенках до колен, самодельных галошах из автомобильных камер, в тулупе и малахае, с сизым от холода лицом.

Весна в наши края не спешит.

Иногда он вдруг начинал страшно материться непонятными словами, впрочем, делая это всегда виртуозно и тогда, когда не было поблизости детей.

Мама угощала его холодцом с горчицей и тихо укоряла:

– Что же ты – из церкви, а матюгаешься...

– Зря я, что ли, десятину снес в храм, поклоны бил, куличи оставил батюшке, каялся, слезьми

изошел, взопрел-избанился, даже спина досель не высохла!..

- Ты же верующий, Семен, а сквернословить!
- Сегодня день такой... Я-то верующий, но я не фанатик... Принимающий веру не по вере – тот фанатик, а истинно верующий – он противоречив и склонен к ошибкам. А ведь и покаяться во время – какая это сла-адость! – замуривался он. – Вы того даже понять не можете! Я после соборования и сам могу грехи отпускать, а не делаю этого, рано еще. Как только мне шепнут оттуда, – он показывал черным, кривым пальцем в потолок, лицо светлело, – так и сподобюсь! Прости, Господи!

Мне становилось страшно от его убежденного тона, и я замирал, сидя в соседней комнате, пугался, не представляя, что там, наверху, что-то еще может быть, кроме атмосферы, облаков и космоса.

- Не слушайте вы его, – поправляла дымчатую пуховую шаль Катя, жена Семена, женщина миловидная, по-своему красивая. Мне было невдомек, чем ей пришлось по душе такой страхолюдина. – Он же блаженный, разве не видно! – извинялась она.
- Блаженны нищие духом! Ибо они наследуют царствие небесное! Это значит, что я свою гордыню должен выкорчевать во благо другим людям. Да все едино, ниче ты не поймешь, голова бабья! Айда, матушка моя, разговляться, семь недель света белого не видел!

Запах еще долго оставался в доме – снега, прелой шерсти, овчины, дымного костра. И легкого перегара. Все они уживались, не противоречили друг другу и настроения не портили.

Между прочим, возможно, именно сочетание веры и такой вот... профессии было причиной снисходительного к нему отношения со стороны строгих надзирающих органов – что с него взять, блаженного.

С помощью его закров и была у меня надежда создать вожделенный РПЖ. Как-то сразу подумалось, что нужного качества ствол я у деда точно не найду. Он должен быть достаточно длинным, от этого зависела дальность и точность стрельбы, и гладким, конечно. И не нарезным. В этом я уже тоже начал разбираться.

Я поговорил с Семеном, не раскрывая план и проект. Сказал, что труба нужна для телевизионной антенны на крышу – мол, та, что есть, она низковатая, слабый прием сигнала. Он все обещал, сулил, тянул, несколько раз уточнял сечение, толщину стенки, но не спешил, не спросив даже, почему с этой просьбой пришел я, а не отец.

Я купил тяжеленный вузовский учебник, обложился справочниками, нашел качественную пластичную резину, перепроверил много раз расчеты. Все складывалось нормально, задерживала только труба. Время от времени я забредал на двор Семена, да все неудачно – то его не было, то он был занят, то случалась еще какая-то несуразица.

Дело шло к осени. Скоро с каникул должны были вернуться мои друзья и враги – и было бы здорово встретить Коляна во всеоружии, задулив ему прямо в лоб очередь из желудей. Я представлял, как он падает на колени, крутится юлой в пыли, а я смеюсь... Потом мы, конечно, замиряемся.

От предвкушения меня даже знобило.

Как-то в середине августа я вновь появился во дворе Семена. Было тихо. Набравшись храбрости, поднялся осторожно на крылечко и зашел в дом. В каменном доме было прохладно и чисто, всюду были разложены полосатые половички-самовязы, которые Катя вынаничивала крючком. Ступалось по ним неслышно, будто и не ногами шлепаешь, а на мягких кошачьих лапах крадешься. Еще везде по дому были цветы, красивые, ярких оттенков.

Редко кто из соседей сюда допускался, а уж пацанам дорога была и вовсе заказана. Вхож был разве что худосочный сын Семена, Ваня, полная противоположность отцу, тихий, пришибленный. Божий человек, взирающий на все вокруг отстраненно и философски, сам болезненный и прозрачный.

Окна были прикрыты плотными занавесками, царил полумрак. Толстые стены берегли прохладу. В углу теплилась лампадка возле небольшого иконостаса. Огонек плясал, колебался, отчего выражение лица менялось, то делалось строгим, а то теплело легкой улыбкой, словно лик слышал и принимал слова, обращенные к нему.

Семен дыбился перед иконой на полу темной горой, лицом вниз, раскинув руки, тихо плача, не утирая слез и горячо что-то рассказывая писаному лику. И так странно и складно звучала его речь, являя совсем другого человека, вовсе не прежнего мычащего немтыря, что я даже засомневался, он ли это.

- Прости Ты их, деток неразумных! В горячности, в болезнях и ересях их души, не ведают они, чего творят. Ложь до небес, нелепица вселенская от непрестанной неправды и обмана! Жизнь свою коверкают и коротят! Счастливы радостью безумцев, не ведающих в гордыни, что говорить и как к Тебе обратиться, Господи! Срам один лишь только... Прости Ты их, Господи, и меня прости... Слаб человек, немощен от безверия и печали, по-

терялся среди таких же слепых, глухих и незрячих, и не знают истцы ответа, взывающие к Тебе, кто же они сами, но дерзят и язвят Тебя глупостью, вопрошают, бестолковые, кто Ты, Господи...
Прими мои муки и вразуми их, Господи!..

Я тихонько вышел, вернувшись в ясный, белый день, по-осеннему теплый, к закату прохладный и грустный.

Наступила школьная пора. Учеба отвлекла от безделья, РПЖ теперь стал казаться детской, странной причудой.

К Новому году я по росту догнал сверстников. Мама удивлялась такому скорому взрослению, расстраивалась, что вдруг приходится менять весь мой гардероб, а ведь все это недешево...

– Что ж поделаться... Всему свое время...

Чтобы убедиться в теперешнем своем взрослении, я подрался за школой с Жекой Иванниковым, перворазрядником по вольной борьбе – и одолел его. После этого кличка Шпендрик сама собой забылась, теперь все было нормально.

Под Рождество случилась сильная вьюга. Она страшно выла разными голосами; мело несколько дней так, что в школу мы не ходили.

Скучая, я решил написать пьесу про революционеров, расхаживая по дому с блокнотом и карандашом, чтобы немедленно записать любые гениальные идеи. Мне ясно виделась сцена расстрела большевика, в исподней рубахе до колен, с темными пятнами от побоев, но с гордо вскинутой головой. Вот он медленно опускается на снег, не побежденный врагами...

В этот момент мама принесла нехорошую весть – Семен пропал. Сарай его был приоткрыт, самого хозяина нигде не было. Может быть, судачили, поехал в деревню, да заплутал в метели, сбился с пути, сгинул и погиб в степи вместе с конем, чубарым Соколиком.

Зима в тот год была морозной и необыкновенно снежной – сугробы заползали даже на крыши. Бурная, скоротечная весна разом превратила все эти снежные громады в лужи и ручьи.

Семена обнаружили между забором и сараем. Он сидел, прислонившись к стене, в бордовой, как спекшаяся кровь, косоворотке, положив руки на колени, слегка нагнувшись вперед – черный, страшный и распухший.

Коня так и не нашли. Я на похороны не пошел – боялся поверить.